

АБИССИНЕЦ 8

— * — 1890 — * —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1890. Том 8

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1890. Том 8 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов.

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. А на том берегу	5
Глава 2. Старая выработка	13
Глава 3. Операция Максим	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1890. Том 8

Глава 1. А на том берегу

Юдинцев провел меня в свой дом. В дальней комнате дядька лежал с открытыми глазами и едва заметно улыбнулся, когда увидел меня.

— Роман Васильевич, оставьте нас вдвоем.

— Андрей, давай только недолго, слаб он еще.

Доктор прикрыл дверь, и я сел у кровати.

— Ну как ты, дядя? — пожал я его ослабленную протянутую руку.

— Спаси Христос, Андрюха, кажись попустило, — тихо сказал он.

— Слава Богу, — перекрестился я.

— Образуется, племянш. Давай к делам, времени много утекло.

Я коротко доложил о погоне после выстрела, о Быкове и найденных патронах, о Дорохине и чужаке, посещавшем его комнату. Затем рассказал, как Стулов, требуя бумаги, взял Сашу в заложницы и как мы с Семеном ее отбили.

— Кривой передал, что охочих людей ведут завтра ночью. День и верхний ход совпадают с записями Стулова в блокноте.

Дядька выслушал внимательно и тихо заговорил, с одышкой:

— Молчанов. По-прежнему думаю на него. Есть еще сведения с китайской стороны, они тоже указывают на него. Раньше тебе не говорил: сперва проверить собирался. Выгода его понятна, а кто исполнитель и как с ним связан, пока не установили.

— Кривого я для группы Шлыкова внедрял. Им предстояло проверить китайскую часть дела Желтуги. Вам полагалось работать здесь и обеспечить им прикрытие при возвращении. Только вызвать я их не успел.

— Где он сейчас?

— В Графской, со своими. Из Козловской надо отправить телеграмму в Графскую на имя Валентина Петровича Панеровского: «Китайского чая в Лончаково больше нет». Это вызов сюда, ко мне.

— До завтра-то они точно не успеют добраться. Мы с Рыжим и Тайгой решили, что пойдем следом за партией. Пройдем верхним ходом, возвращаться будем напротив сторожевого поста, там неподалеку Домбровского пытались взять.

Дядька ненадолго закрыл глаза. Я ждал, не торопя его с ответом.

— Разведку разрешаю провести. Понял уже, где выходить собираетесь. Прибудет Шлыков, подготовим вам прикрытие на выходе. Вы главное установите, кому передают работников, кто распоряжается на прииске и как эти люди могут быть связаны с Молчановым. Затем сразу назад. Только не вздумайте мне прииск штурмовать.

Я объяснил, где оставил опытные винтовки и патроны, бумаги и блокнот Стулова, чтобы потом не пришлось искать.

— Это на всякий случай, дядь.

— Я тебе дам всякий случай. Приказ вернуться обратно у тебя есть. Так что исполнять.

Утром Рыжий с Илькой ждали меня перед правлением. Я отвел их от крыльца, сообщил, что дядька пришел в сознание, уже в курсе всех событий и одобрил наш выход, и добавил:

— Нет худа без добра, братцы. Сашу сегодня к Балохину везти надо, Юдинцев настаивает. Вот и попросимся втроем ее проводить.

— Я за возницу поеду, — сказал Семен. — А вы с Илькой верхом.

Завьялова я застал в кабинете. Он было хотел сразу усадить меня за стол с бумагами.

— Юдинцев после вчерашнего велит Сашу в Козловскую отвезти, Балохину показать. Дозвольте нам втроем, с Семеном и Илькой, ее проводить.

Он оглядел кипу бумаг, поднял на меня глаза.

— Раз надо, то езжайте, — разрешил Макар. — Только если на день-другой задержаться придется, дайте знать. Чтобы я тут не гадал, куда вы запропастились.

— Сообщим, ежели чего.

Он выписал разрешение на выезд.

— Кстати, как там Аркадий Игнатьевич? Удалось у него про бумаги уточнить, которые Стулов искал?

— Да слаб он еще. Я так, о здоровье справился у него, после Юдинцев велел оставить его.

— Ладно, после обеда загляну, даст бог, пообщаемся. Все, ступай, Андрей. В дороге не гоните, Саше покой сейчас нужен.

— Благодарствую, Макар Маркович.

Из правления я вернулся к Кравцовым. Саша сидела в горнице с теткой Полей. Они разбирали вышивку на рушнике, по всему виду, готовились уже к Пасхе.

— С Макаром договорился, отпускает. Семен с Илькой нас проводят. Пойдем домой, вещи соберем.

Саша поднялась, потянулась за платком.

— Белье возьми с собой, — посоветовала Пелагея Александровна. — Может, доктор оставит на день-другой. А ты, Андрей, не торопись ее обратно везти. Что Балохин скажет, то и делайте.

— Добре, тетя Поля.

Акулина Никитична перекрестила нас, потом обняла Сашу.

— Ангела-хранителя вам в дорогу, детки. Если там придется остаться, дайте знать, чтобы мы тут не изводились.

— Передам, бабушка. Спаси Христос.

Амур увязался было следом, но Олег подхватил его у порога.

— Этот пока со мной побудет. И за куренем вашим пригляжу.

Я попросил его еще вывести Беркута к нашему двору, и мы с Сашей пошли собираться.

Дома жена сразу прошла в спальню и открыла сундук. Я подал ей дорожную суму. Саша вынула белье, теплую кофту, чулки, но, когда я повернулся к двери, придержала меня за рукав.

— Ты пока не уходи.

— Хорошо, не переживай, я рядом.

Она отпустила рукав и продолжила укладывать вещи.

В горнице я написал Кривому: идем следом; на первом привале за рекой пусть незаметно отойдет по следу на сотню шагов назад. Там его встретит Тайга. На другом листке приготовил текст дядькиной телеграммы и адрес в Графской. Обе записки убрал порознь, чтобы потом впопыхах не перепутать.

Для себя взял «Ли-Метфорд». Проверил винтовку, пересчитал патроны и сложил их в ранец. Рядом приготовил свой Кропачек для Ильки и пачки с патронами к нему из владивостокской покупки.

В ранец пошли сухари и сушеная икра кеты в ястыках, смена белья и сухие чижи. Белую маскировочную справу уложил сверху. Взял и все для перевязки на случай ранения, убрал отдельно, чтобы при нужде не перетряхивать все добро. Револьвер с бебутом оставались на поясе.

Саша вышла из спальни с собранной сумой.

— Все, Андрей.

Я забрал у нее поклажу, подхватил оружие и вынес во двор. Олег уже привел Беркута. Пока я седлал коня, Саша ждала рядом, положив ладонь ему на шею.

Вывел Беркута из ворот, тут Семен уже дожидался на облучке кошевы. Возле него лежал «Винчестер», на портупее поверх полушубка висела кобура. Я помог Саше устроиться, укутал полостью ее ноги и повернулся к подъехавшему Ильке.

— Держи. На этот выход возьмешь мой Кропачек.

Вместе с винтовкой я передал ему и патроны. Илька снял свою берданку и уложил ее в кошеву. Потом принял Кропачек, покрутил в руках и прицелился в сторону леса. Открыл затвор, проверил патронник и, убедившись, что в подствольном магазине пусто, закрыл. Еще раз передернул затвор, проверяя ход, и нажал на спуск. Боек звонко щелкнул. Илька закинул винтовку за спину, а я сел на Беркута.

Уже за околицей, пропустив сани вперед, отдал побратиму записку.

— Кривому. Свернешь к тайнику по дороге?

— Хорошо, — ответил он. — Сани не останавливайте, нагоню.

Некоторое время Илька ехал с нами, потом поднял руку, показывая, что уходит, и направил коня на боковую тропу, переходя в намет. Я остался возле Саши. На ухабах Семен придерживал лошадь, выбирал путь поровнее, так что шли мы небыстро.

— Куда это он? — спросила Саша.

— Петли проверить хочет.

Илька нагнал нас еще до Козловской. Поравнялся с Беркутом и негромко сказал:

— Оставил.

К полудню добрались до лазарета в Козловской. Я помог Саше выбраться из саней, внес ее суму и проводил к Балохину.

Доктор выслушал, пригласил Сашу в комнату для осмотра, а мне велел подождать.

Я вышел на крыльцо и подозвал Семена. Дал ему деньги и приготовленный листок с адресом в Графской.

— Сходи в телеграфную контору, отправь. Адресата и текст я записал.

Рыжий вернулся еще до окончания осмотра.

— Все, Андрюха. Телеграмму принял.

Вскоре Балохин позвал меня к себе в кабинет, а Саше велел подождать в коридоре.

— Александру оставляю пока под наблюдением.

— Что-нибудь не так, Алексей Юрьевич?

— Ничего дурного не вижу. Завтра осматрю еще раз, тогда и решим. Но пока она остается у меня.

Балохин распорядился, чтобы Сашу проводили в комнату. Я отдал ей вещи и сказал, что вернусь, буквально через полчаса.

Из лазарета я пошел к Агафоновым. Объяснил, что привез Сашу на осмотр к Балохину, а мне надо отлучиться по службе.

— Примете ее после выписки? До моего возвращения пушай у вас побудет.

— Завтра с утра схожу проведаю, — ответила Оксана Петровна. — Если Алексей Юрьевич отпустит, то, конечно, пусть у нас обождет твоего возвращения.

Поблагодарив хозяев, я вернулся в лазарет.

В палате Саша сидела на кровати. Я присел рядом.

— Мне в Графскую сходить надо, документы передать. Если к выписке не успею, Агафоновы тебя примут. Я договорился. Побудь у них до моего возвращения.

— Уже уходишь? — Она сжала мою ладонь.

— Надо, Сашенька.

Я обнял ее. Саша уткнулась мне в плечо, и несколько минут мы так и сидели. Когда я поднялся, она потянула меня за руку и поцеловала.

— Буду тебя у Агафоновых ждать. Только ты там не задерживайся.

Я еще раз обнял ее и вышел.

Лошадей устроили в станичной конюшне, там же оставили сани. За корм я уплатил вперед. Из Козловской вышли пешком; за крайними дворами зарядили винтовки и облачились в наши белые sprawy.

Илька повел к верхнему ходу. Несколько часов пробирались лесом, прежде чем добрались до спуска к реке. Еще около часа пришлось ждать. Мы почти не разговаривали, заметно потемнело, старались ничего не пропустить и сами не попасться кому-нибудь на глаза.

Побратим поднял ладонь, и мы легли за кустами.

Слева по тропе шли люди с поклажей, человек десять. Когда они поравнялись с нами, я различил Кривого: он припадал на больную ногу и тащил с собой небольшой мешок.

Позади работников держались двое с охотничьими переделками берданок. Один остановился, глядя назад. Я вжался щекой в руку. Охранник постоял и заторопился догонять.

К Усури мы вышли только, когда последние начали подниматься на китайский берег. Илька шел первым, я следом, Семен замыкал.

Как только люди скрылись в тальнике, мы двинулись через реку. Я невольно прибавил шаг, но Семен тронул за плечо и показал на Ильку. Тот остановился, прислушиваясь.

Мы выждали. С того берега донесся короткий окрик, затем все стихло. Илька двинулся дальше. У подъема я уже видел вытоптанную дорожку, уходившую между кустами.

Мы поднялись на китайский берег. Тропа шла вдоль откоса, огибая густой тальник. За поворотом Илька вдруг попятился. Навстречу спускались двое с ружьями, оглядывая кусты. Замыкающие, видать, вернулись проверить дорогу.

Ближний заметил меня и потянул ружье к плечу. Я рванулся навстречу, отбил ствол прикладом «Ли-Метфорда» и им же врезал в челюсть. Охранника качнуло назад. Отпустив винтовку на ремень, я выхватил бебут и нанес удар в область сердца, подхватил за ворот и аккуратно опустил его на землю. Ружье выскользнуло из пальцев и ткнулось в снег.

Слева глухо стукнуло дерево. Я повернул голову: второй отшатнулся к кустам, а Семен уже шагнул вплотную. Короткий удар кинжалом, и охранник обмяк. Рыжий удержал его, не дав завалиться в сухие ветки, и опустил на землю.

Несколько секунд на обоих и без стрельбы.

Илька уже стоял у поворота, держа Кропачек наготове. Поглядел вдоль тропы, прислушался и показал нам ладонью, мол пока ждем.

Мы замерли. Впереди никто не окликнул пропавших, шагов тоже не слышалось. Я смотрел поверх плеча побратима, ожидая, не появится ли еще кто-нибудь.

Илька махнул в сторону кустов и снова повернулся к тропе. Мы с Семеном стащили убитых в тальник, туда же убрали и их ружья. Рыжий закончил первым и сменил побратима у поворота. Я вытер бебут о полушубок охранника, вернул в ножны и перехватил «Ли-Метфорд».

Этих двоих могли хватиться уже на первом привале. Долгого наблюдения теперь не выйдет: начнут искать охрану, найдут и нас. Но следы уходящей к Желтуге очередной партии работников еще были перед нами.

— Идем, братцы. Пока не потеряли.

Илька тронулся, мы за ним. За перелеском тропа вышла к тракту. Пришлось забрать в сторону: по дороге тянулись сани с мешками и бочками, следом еще одни, груженные сеном. С другой тропы подошла новая партия работников. Десяток Кривого пропустил ее вперед и двинулся следом.

За деревьями показались огни. Я сперва принял крайние фанзы за весь прииск, но, поднявшись на склон, разглядел дальше целые улицы. Освещенные окна тянулись по распадку, теряясь за поворотом. Возле складов разгружали сани, носили мешки. Даже ночью работа не останавливалась: у ям крутили ворота, вытягивали тяжелые корзины, ссыпали землю в кучи.

Вдоль опушки тянулись старые выработки. Проваленные настилы, заросшие кустами канавы, отвалы. В склоне чернел вход, подпертый кривыми бревнами. Мы пошли ниже гребня отвала. Отсюда дорога просматривалась лучше, а нас закрывали камни и кусты.

Партию Кривого остановили за складами, у длинного навеса. Люди сбросили поклажу, расселись. Илька вернулся вдоль дороги на сотню шагов и растворился за поворотом. Мы с Семеном устроились рядом, в старой выемке.

Вскоре побратим привел Кривого.

— Нас китаец принял, вон у амбара стоит, в овчинной теплушке. Пересчитал, велел ждать, пока барак приготовят. С ним русский был. Я за котелком для наших ходил, слышал, как он кладовщику харчи отпускать велел.

— По именам кого знаешь?

— Пока никого. Китайца спрашивали, куда людей на работу ставить. А русский с ним отдельно говорил, туда меня уже не подпустили.

Кривой осторожно приподнялся.

— Вон он, из дверей выходит.

Я увидел, как он остановился под фонарем, всего шагах в двадцати от нас. Повернулся к китайцу, и я узнал это лицо.

Савин. Тот самый липовый чиновник из телеграфной партии, Сергей Николаевич Савин. На Миллионке он пытался прикончить Руднева, потом располосовал мне бок ножом и ушел.

Я тронул Семена за локоть.

— Гля, Савин.

Рыжий взгляделся и медленно кивнул.

Китаец подозвал к нему двоих с ружьями. Савин что-то объяснил им, указывая вдоль склона. За его спиной продолжали таскать мешки. Со стороны обычный приказчик, вышедший поторопить работников. Только у нас этого приказчика уже который месяц найти не могут.

— Кривой, погоди уходить. Еще за этим Иудой поглядим.

Хромой снова опустился на дно выемки. Я велел ему дожидаться нас.

Со стороны дороги засвистели, раздался крик:

— Никого не отпускать!

Охрана у складов зашевелилась. Савин оборвал разговор и направился к дальним выработкам с двумя вооруженными. Остальные остались возле работников.

— Надо брать его, — шепнул я. — Живым. Он нам больше расскажет, чем мы отсюда высмотрим за целую седмицу.

Семен сдвинул «Винчестер» за спину.

Савин шел в обход длинного отвала. Мы срезали по канаве и успели раньше него к узкому проходу между насыпями. Здесь огни прииска оставались за спиной, а тропа снова выходила к освещенным ямам только за следующим поворотом.

Я указал Ильке на переднего охранника, Семену — на заднего. Сам остался посередине, за выступом мерзлой земли.

Илька поднялся навстречу первому, сбил в сторону ружье и ударил ножом. Подхватив оседающее тело, втащил за край насыпи. Савин мгновенно отскочил в сторону, сунув руку за пазуху.

Я встретил его сбоку. Ударил винтовкой по предплечью, и его «бульдог» полетел в снег. Савин соскочил в канаву и рванул к просвету между отвалами.

Я мог выстрелить ему в спину. Вместо этого одним движением закинул винтовку за плечо и побежал наперерез.

Слева мелькнула белая спина Ильки. Побратим уже перекрывал выход, держа Кропачек у плеча. Савин круто развернулся ко мне с ножом в руке. До него оставалось два шага.

Я выдернул бебут.

Он сделал выпад ножом мне в лицо и сразу повел лезвие к руке. Я убрал кисть, пропустил нож и шагнул вбок, отрезая дорогу назад. Савин повернулся вслед за мной. Клинок держал низко, свободной рукой пробовал дотянуться до моего рукава, но я не дал ему зацепиться и еще потеснил к насыпи.

У него за спиной появился Семен, оставивший лежать второго охранника на тропе.

Савин оглянулся на Рыжего и тут же ударил меня ножом снизу. Он не метался, а выход себе пробивал. Я встретил его клинок бебутом, отвел наружу и шагнул вплотную.левой прихватил за запястье, рукоятью ударил по его кисти. Нож упал между нашими ногами.

Савин навалился вперед, пытаясь плечом оттолкнуть меня и вырвать руку. Я повернулся вместе с ним, увел захваченную кисть за спину. Он согнулся, резко рванулся вниз, пытаясь выскользнуть из полушубка.

Я прижал его локоть, подбил ногу под коленом и уложил грудью в снег. Свободной рукой Савин тут же уперся в землю, разворачиваясь ко мне. Семен ногой выбил у него последнюю опору.

— Готов.

Я убрал бебут. Пока Рыжий прижимал пленного, расстегнул на нем пояс и вытянул ремень. Савин еще дернулся всем телом, но мы уже свели запястья ему за спиной. Потом я снова достал бебут и распорол ему сзади штаны: даже если эта паскуда вырвется, далеко не убежит, придется порты держать. Теперь добавилась этому шустрому забота — задницу не отморозить.

Илька стоял выше нас с Кропачеком и следил за проходом. Со стороны складов продолжали раздаваться крики.

Семен затянул ремень за спиной Савина, и мы подняли его на колени.

— Ну здравствуй, Сергей Николаевич. Дома по тебе соскучились. — наклонился я и глянул ему в глаза. — Давно не виделись!

Во внутреннем кармане полушубка Савина нашлись записная книжка и сложенные бумаги. Я убрал все за пазуху, закончил обыск и заткнул ему рот его же платком.

— Тайга, приведи Кривого. Уходим.

Илька направился по канаве к выемке, где оставался хромой. Пока Семен держал пленного, я стянул с тропы второго охранника и взял его ружье и патронташ с патронами.

Вскоре из-за поворота показался побратим, следом за ним Кривой. Я передал хромому подобранный «бульдог» и десяток патронов из кармана Савина и ружье с припасом охранника.

Мы рассчитывали высмотреть распорядителей, а взяли одного из них. Да еще какого. Теперь бы вывести эту паскуду на наш берег, а там дядька найдет, как его разговорить.

К тракту пошли по канаве. Илька двигался впереди, мы с Семеном вели между собой Савина, Кривой держался следом. За отвалами со стороны складов нас видно не было.

Не доходя до знакомого поворота, Илька остановился и показал нам пригнуться. Я оставил пленного Семену, подобрался к побратиму.

— Дорогу перекрыли, — шепнул он. — Двое за насыпью. Еще трое вдоль леса идут.

Я осторожно выглянул сбоку. На дороге задержали сани. Возница стоял возле лошади, а охранник с фонарем заглядывал под рогожу. Дальше, у поворота, торчали над земляным гребнем два ружейных ствола. Видать, хватились тех двух охранников, которых мы потушили перед заходом в Желтугу.

Нас пока не обнаружили. После поднятой тревоги проверяли всех, кто пытался попасть на прииск или уйти с него. Только нам от этого не легче: мимо такого караула со связанным Савиным без шума не проскочишь, а сколько могут отрядить в погоню, если станем пробиваться с боем неведомо.

Я шепнул Ильке:

— Между отвалами веди. К дороге не суйся.

Побратим свернул в боковую канаву. Мы прошли за ним еще несколько десятков шагов, когда позади, у места схватки, засвистели.

— Убитый! Сюда!

Семен покрепче прихватил Савина под локоть. Я пропустил обоих вперед и остался замыкающим.

Канавка упиралась в рабочую тропу. За ней начинался следующий отвал, но до него предстояло пересечь несколько шагов открытого места. Снег здесь освещала лампа у ближайшей ямы.

Илька осмотрел проход и перебрался первым. Кривой поспешил следом, заметно припадая на больную ногу. Пока они скрывались за насыпью, Семен подвел Савина к краю.

Справа по мерзлому щебню застучали шаги. Один из охранников, обходивших опушку, поднялся на боковой отвал. Остановился, повернул голову к тропе.

— Стой!

Рыжий уже тянул Савина за укрытие, а охранник вскидывал ружье им вслед. Я упер приклад в плечо и выстрелил. Тот осел на гребне, выронив оружие.

Передернув затвор, я отступил за камень. С дороги ответили двумя выстрелами. Пули ударили в насыпь возле прохода, по которому только что перебрались наши. Один из стрелков у поворота крикнул остальным, указывая между отвалами. Теперь они знали, где нас искать.

— К ямам! — Илька показал влево. — Там вдоль склона пройдем.

— Веди. Кривой, за ним. Рыжий, Савина не отпускай.

Семен вздернул пленного на ноги и потащил следом. Савин семенял, придерживая сзади разрезанные штаны. Кривой перебрался через низкую насыпь, опираясь ладонями о мерзлую землю. На каждом подъеме больная нога задерживала его.

Я выстрелил по охраннику, выбежавшему от складов, и отступил за следующий отвал. До дороги оставалось два десятка шагов, только идти туда уже было нельзя. Со стороны леса зачастили выстрелы.

Вдоль склона уходила глубокая канавка. Илька спустился, оглядел проход и махнул нам. Над ней, у свежей выработки, горела лампа. Рабочие бросили корзины и убегали к складам.

Семен опустил Савина на дно, сам перескочил следом. Пленный сел, уперся ногами в землю. Рыжий взял его под локоть и поднял, но тот упирался.

— Шагай, паскуда. На руках тебя нести не нанимался.

Кривой отстал у развала камней и выстрелил из трофейного револьвера. За низкой насыпью, слева от нас, взметнулся ствол винтовки, противник повалился на бок. Хромой двинулся дальше. Пока мы выбирались из одной ямы в другую, охрана успевала обходить нас поверху.

Я дважды выстрелил по фигурам на гребне. Одного сбило с ног, другой залег. Четыре патрона уже ушло.

За каменным выступом Семен прижал Савина коленом к земле и снял «Винчестер». Пока он стрелял, я сбросил ранец, достал новую пачку и вдавил в магазин четыре патрона, один за другим. Остальные сунул в карман, и снова надел ранец.

Илька вернулся от следующего поворота.

— Дальше проход узкий, за ним лес. Надо успеть, пока они верха не заняли.

— Проходим сразу. Под склоном не стоять.

Я пропустил Ильку с Кривым и пошел следом. Семен вел пленного за мной. Уже изрядно вспотел и дышал с каждым рывком все тяжелее.

Из боковой промоины наперерез нам выскочил охранник. Ружье он стал доворачивать на меня, но не успел. Я отбил ствол, шагнул вплотную и ударил прикладом. Тот сполз по мерзлой земле. Откинул его ружье ногой и пропустил Семена с пленным.

За поворотом чернел уже знакомый вход с подпорками. Дальше канавка сужалась между склоном и высоким отвалом.

— Рыжий, пройди с Кривым. Савина сам поведу.

Семен передал мне пленного. Я забросил винтовку за спину, взял в руку свой «Смит-Вессон» и повел Савина, придерживая его под локоть.

Илька выбрался за уступ. Кривой подтянулся следом; Семен выстрелил по гребню и шагнул за поворот. Я убрал револьвер в кобуру и подхватил Савина под мышки. Со связанными руками он не мог ухватиться за край, а весил, зараза, пудов пять не меньше.

Над нами, у свежей выработки, крикнули по-китайски:

— Беглые внизу! Поджигай!

Своего распорядителя они, видать, не разглядели. Наверху мелькнул огонек, и двое отскочили за отвал.

— Рыжий, вперед! — крикнул я.

До уступа пленного еще надо было поднять, а боковой вход оставался в двух шагах. Я развернул Савина и потащил туда. Рвануло, когда мы нырнули под бревна. Я протолкнул его за выступ стенки и лег рядом.

Снаружи загрохотало. В устье выработки покатались камни, ударили в стойки. Ближнее бревно дернулось, накренилось. За ним еще виднелась канава, но сверху уже валились земля и глыбы, перегораживая путь к товарищам. Стойка переломилась, потянув за собой перекрытие. Последний просвет погас.

Пыль забивала рот, снаружи еще стреляли. Выбрались наши или нет, я не знал.

Рядом закашлялся Савин. Я выдернул у него платок изо рта и повернул на бок, но ворот не выпустил.

— Дыши, Сергей Николаевич, дыши. Ты мне живым нужен, паскуда.

Глава 2. Старая выработка

Савин хрипло засмеялся, но смех перешел в кашель.

— Самому бы живым остаться, щенок. Ты хоть понимаешь, куда влез? Твоих сейчас перебьют, а нас с тобой и трогать не будут. Тут под камнями и оставят подыхать.

Он дернул стянутыми за спиной руками. Я чутка ослабил хватку. Снаружи опять захлопали выстрелы, один за другим. Кто стрелял и в кого, оставалось только гадать. Окликать своих через завал было бесполезно.

— Свои за тобой еще полезут. Такой прохиндей на дороге не валяется, вот тогда и поглядим.

— Не полезут, — выдавил он. — Я свое дело сделал. Теперь им выгоднее мне вовсе не платить, а закопать вместе с тобой. И свидетеля лишнего не будет.

— Кому это выгоднее?

Савин промолчал, подтянулся, чтобы опереться спиной, и опустил голову.

— Молчанову?

— Купец просто своей доли ждет. — Он зло усмехнулся. — Думаешь, здесь тоже он хозяйничает? Не-е-е... На этом берегу другие распоряжаются.

— Кто же это такие?

Савин сплюнул пыль и отвернулся.

Привыкнув немного к темноте, я огляделся, махнул рукой и потянулся за свечой. Когда пляшущий огонек добавил немного видимости, я первым-наперво разглядел бревно у завала, оно раскололось вдоль. На обломке держался камень, нависший над самым входом. Дальше порода виднелась до самого верха, лезть туда было опасно.

За спиной выработка продолжалась, но далеко не видать. Я пригнулся под поперечиной, проверил следующую стойку.

Из бокового ответвления тянул слабый сквозняк. Я задержал руку, дуновение едва ощущалось.

Тут снаружи снова рвануло. Я схватил Савина за ворот полушубка и поволок в глубину. Над нами хрустнуло бревно. Пленный заорал, что-то рывком вырвало его из моих рук. Между нами посыпались камни, пришлось отскакивать.

— Ног-а-а-а! Громов!

Я откашлялся и полез к нему. Сдвинул обломок стойки, выгреб мелкие камни, кое-как раскачивая, перевалил в сторону тяжелый булыжник. Прохода все еще не хватало: голова пролезала, но плечи застревали. Пришлось отступить и выкатить еще один большой обломок.

Савин стонал. Ногу над коленом чем-то распорол, по ней обильно сочилась кровь.

Я перетащил его до уцелевшей подпорки. Выстрелов уже почти не было слышно, только стук падающих камней и треск дерева где-то над головой.

Снял «Ли-Метфорд», положил у колена и стянул свой ранец. Достал из него закрутку из тех, что мы с Сашей делали Юдинцеву. Бебутом разрезал штанину, наложил закрутку и затянул. Кровь идти перестала.

Я повернул Савина на здоровый бок и расстегнул ремень на запястьях. Теперь он и до винтовки не дотянулся бы.

Закрыв рану повязкой, расправил полы полушубка под его боками, чтобы не лежал на камнях. Савин дрожал, по его лицу катился пот. Приложив руку к шее, почувствовал, что сердце у него молотит с бешеной скоростью.

Очень много крови потерял он, пока я разгребал эту осыпь. Одной перевязкой тут не обойдешься.

Он следил за мной, пока я убирал бебут.

— Ты ведь и вправду выбираться отсюда собрался.

— А ты ждал, что лягу рядом? — Я поправил на нем полушубок.

Савин попробовал ухватить меня за рукав. Пальцы соскользнули, он глянул на них, потом снова на меня.

— Послушай... Если выйдешь, хоть дело им это испорти.

— Испорчу, не переживай, только давай по порядку. Сначала про телеграф.

— Деньги хорошие давали. Откуда они были, не спрашивал. Провести людей служебной партией, предъявить бумаги, с начальством объясниться, мзду подсунуть кому надо.

— Подложные бумаги тебя не смущали?

— За настоящие столько не дают.

Он сглотнул и перевел дыхание.

— Только про губернатора я сперва не знал. Что его тоже убить хотят.

— А Руднева на Миллионке зачем пытался пристрелить?

— Он слишком много знал. Заговорил бы у вас, если бы взяли...

Савин закашлялся и отвернул голову.

— У меня самого ведь семья...

— Про Руднева договори. Он тебя выдал или ты решил не ждать?

— Через него вышли бы на меня. — Он немного помолчал и продолжил: — Вот я и решил. Хотел убрать, пока он язык не развязал. Себя спасал.

— После того провала. Сказали, чтобы я своих на Миллионку перевез, мол, спрячут на время моих поисков. Я взял и привез. Еще жене говорил, чтоб не боялась, что место надежное.

Он лежал и говорил с закрытыми глазами.

— Дальше что было?

— Потом их сюда вывезли, в Китай. Куда именно, мне не сказали. Я просил отпустить. Деньги предлагал, все, что получил с этих дел, а в ответ посылку получил.

Савин прижал свободную ладонь ко рту. И раздался тонкий, жалкий звук.

— Палец... сына, отрезанный палец.

Он несколько раз открыл рот, прежде чем смог продолжить, и я наклонился ближе.

— И записку жены. Ее почерк, я точно знал. «Делай, что велят, иначе нас по частям тебе станут высылать».

Он заплакал, уже не отнимая руки от лица. Я дал ему перевести дыхание и только потом спросил:

— Где держат, так и не узнал?

Савин мотнул головой.

— Ты сказал, что работу закончил. А люди еще на этом берегу.

— Мое дело свести партии. С русскими вербовщиками сносился, с приказчиками. Здесь встречал, списки сверял. С бумагами дело имел, вот и приставили.

Он умолк, часто дыша, а я немного подождал и продолжил спрашивать.

— А китайские артели тоже твои?

— Нет. Я за русские партии отвечал, самим прииском не командовал. Основных людей к этой ночи собрали. Списки их отдал. Куда дальше вести и когда, тоже согласовали. Они теперь и без меня справятся.

Повязка оставалась сухой, но Савин дрожал все сильнее. Я убрал его похолодевшую ладонь под полу полушубка.

— За это семью обещали вернуть.

— Когда сам переход будет?

— На Пасху. К Лончаково и Венюково. В моей книжице есть буквы над числами. «Л» и «В». Куда какая партия. Под ними указано, сколько там будет народу.

— Есть же и другой прииск. Выше по Уссури. Там тоже собирают.

— Да, там тоже есть российские подданные, кого погонят.

— Для чего их отделять и помечать так?

— В обеих толпах быть должны русские. За китайцев казаки могут и не вступить. А своих бросить... не смогут. На то и весь расчет.

— Обе партии на Пасху? — переспросил я.

— Списки... я передал. Все.

Он уже не поспевал отвечать. Губы шевельнулись, но слова не складывались, и я наклонился ближе.

— Громов... если жену... сына...

Грудь поднялась еще раз и опала. Я приложил руку к шее, подождал, проверил снова. Поднес ладонь к его рту. Все, Савин точно помер.

Живого свидетеля не уберег. Теперь бы самому выбраться, да передать то, что он успел сказать.

Я проверил за пазухой книжку и бумаги. Снял закрутку с Савина и убрал в ранец. Револьвер был в кобуре. Подхватив винтовку, я прополз к боковой осыпи, откуда тянуло воздухом.

Через какое-то время притормозил, положил винтовку у колен и проверил путь. Между камнями торчала сгнившая стойка, выше нащупалась перекошенная поперечина. Из-под нее как раз и тянул ветерок. Похоже, здесь был старый ход, но продолжался он уже за завалом.

Щебень выгребал ладонями, откидывая назад. Для камней покрупнее подобрал обломок упавшей опоры: поддевал плоским концом, расшатывал и оттаскивал в сторону.

За каждой вытащенной горстью сыпалась новая. Приходилось останавливаться и ждать, пока пыль уляжется. Пальцы саднило от напряжения. Наконец рука ушла в пустоту по локоть. Я расширил щель, протиснул голову с плечом и подался назад. Пролезть будет можно, но только без ранца.

Подобрал лямки ранца и затолкал его в отверстие. Следом продвинул «Ли-Метфорд», придерживая ствол, чтобы не ткнуть дулом в землю.

Сам втискивался боком. Подтянулся на локте, вытянул вторую руку. Голова прошла, плечи тоже. А в поясе что-то намертво застопорило, это была кобура.

Вперед не пускала она, назад мешала сдать рука под грудью. Я прижался щекой к камню, освободил локоть и понемногу сдвинул бедра назад. Теперь удалось просунуть ладонь к револьверу. Просто край кобуры зацепился за обломок дерева. Отцепил ее, подтянул повыше и прополз еще немного. Ножны бебута направил вдоль тела и придерживать старался.

Дальше ранец встал поперек. Я толкнул его, но только прижал крепче. Приподнять голову не давал каменный выступ, винтовку отвести было некуда, цевье упиралось.

Вот и доигрался, мать твою.

Я потянул винтовку к себе. Освободившейся рукой ухватил лямку и повернул ранец на бок, прижал торчащую пряжку. Он прошел. Теперь протолкнул оружие и подтянулся следом. Так и двигался: сперва ранец, затем винтовка, потом я. За один раз удавалось выиграть меньше локтя.

Под низкой поперечиной едва удалось протиснуться. Оставалось протащить ноги, когда позади протяжно скрипнуло.

Я уперся носками сапог, вытолкнул ранец дальше и продвинул винтовку. Подтянулся за ней. Сзади послышался треск и посыпались камни.

По всему проходу прошел мощный поток воздуха и поднял пыль. Я уткнулся лицом в рукав и замер, порода грохотала где-то совсем рядом. Земля под животом вздрагивала.

Но вот наконец гул, слава Богу, стих, только изредка продолжали постукивать отдельные камешки.

Я осторожно пошевелил одной ногой, другой. Не зажало. Левой пяткой нащупал камни там, где только что прополз. Дерево над ними продолжало потрескивать, я постарался убрать ноги.

Назад больше хода не было. Сплюнул набившуюся в рот пыль, дождался, пока отпустит кашель, и вытянул руку. Пальцы легли на приклад. Ранец тоже оставался впереди. Подтянув ноги, я пополз дальше.

Вскоре под моими локтями началась плотная земля, и я осторожно поднялся на четвереньки.

Следующая подпорка не крошилась. Пальцы прошли по острым зарубкам, ниже скользнули по истертому дереву и зацепили обломок тонкого прута. Здесь подпорки подновляли, в отличие от той трухи, что осталась позади. Так прополз где-то саженой тридцать. Чем дальше, тем просторнее становился лаз.

Из-за поворота донеслись приглушенный стук и звон посуды.

Я замер, прислушиваясь. Звякнуло еще раз, где-то совсем близко.

Протолкнув поклажу дальше, я обогнул поворот. Впереди проступила узкая серая полоска. Возле нее уже различались стенки короткого земляного подкопа и свежие борозды, оставленные каким-то инструментом. Выход, похоже, ведет прямо в чье-то жилье.

Пальцы уперлись в циновку. Я подвинулся к ее краю у самого пола и заглянул наружу.

Это определенно была кухня фанзы. Вон слева очаг, стол с мисками, лавка. Через маленькое окно сочился свет. Уже светало. Людей в видимой части не было, дверь в соседнее помещение закрыта.

Я выровнял дыхание и прислушался. Выждал еще немного, тишина!

Приподняв край циновки, выдвинул ранец и убрал его в сторону. Следом винтовку. «Ли-Метфорд» уложил вдоль стены возле, чтобы самому не навалиться. Уперся ладонями в пол, протаскил плечи, подтянул ноги. Они дрожали от напряжения. Пришлось опереться о стену, прежде чем удалось подняться.

Тут открылась дверь соседней комнаты.

В кухню вошли двое. Первый резко остановился так, что второй ткнулся ему в спину. Оба посмотрели на откинутую циновку, потом на меня.

— Наш ход нашел!

— Не выпускай!

Я понял, о чем говорят китайцы. Стол с ножами был у них под рукой, очаг слева от меня. «Ли-Метфорд» лежал позади возле ранца.

Они схватили ножи и бросились вперед. Я отступил к очагу, уходя от первого выпада. Тянуться к поясу было поздно: второй уже обегал товарища сбоку.

В котелке над очагом бурлила вода. Рядом лежала свернутая тряпица. Я ухватил через нее дужку и выплеснул кипяток, попав в обоих.

Ближний закрыл лицо локтем. Второй дернулся в сторону, врезался бедром в стол, взвизгнув. Мгновение — и они заорали почти одновременно. Один тут же отнял руку от лица и снова занес нож, а я уже бросил пустой котелок и подхватил с лавки сковороду. Тяжелая, чугунная, с длинной ручкой.

Котелок загрохотал под ногами. Китайцы разошлись, заходя с двух сторон. За спиной оставались лаз и стена. Не давая зажать себя у очага, я двинулся навстречу тому, что шел от стола.

Он вскинул нож к плечу. Я ударил сковородой по предплечью, не дав опустить клинок, и тут же врезал сбоку по голове. Китайца швырнуло грудью на стол, посуда посыпалась на пол. А он сполз следом, выронив кухонный нож.

Второй, вытерев лицо, рванул в мою сторону. Его нож шел снизу, под ребра. Я встретил его дном сковороды, отвел в сторону и шагнул вплотную. Китаец потянулся свободной рукой

к моей шее. Я пригнулся под ней и врезал ребром сковороды по виску, от чего он осел возле очага. Я отступил от падающего тела, не выпуская ручки.

Оба лежали неподвижно. Кипяток растекался между сапогами. Я повернулся к двери.

За стеной слышались чьи-то быстрые шаги, они приближались к кухне.

Я перехватил сковороду в левую руку, а правой появился бебут.

В кухню ввалились еще трое. У одного был топорик, у другого нож. Третий держал толстый обломок жерди и кричал по-китайски:

— Живым бери! За русского на том берегу заплатят!

— Он наших убил! Режь его!

Китаец с жердью пошел прямо на меня, второй, с ножом, обогнул стол справа, топорик мелькнул возле очага. Все трое рвались достать разом. Я встретил их у угла стола, пока они меня не обошли.

Жердь ударила по поднятой сковороде. В ту же секунду я ушел с линии атаки ножом и вогнал бебут нападавшему в грудь. Он навалился на меня, но я толкнул его плечом обратно, высвобождая клинок. Обмякшее тело загородило проход манзе с жердью.

Топорик рубанул по краю стола возле моего локтя. Я стоял сбоку и коротко ударил бебутом под ребра, выдернул его и ушел от нового удара жердью. Китаец с топориком завалился на лавку, опрокинув ее.

Последний переступил через упавшего китайца и ткнул мне в живот обломком дерева. Я отбил его сковородой, шагнул вплотную и ударил бебутом в шею. Он выронил жердь, потянулся к ране, оседая на пол.

Огляделся, нового топота не было слышно. Положил сковороду на стол, быстро проверил лежавших. Живых не осталось.

Шуму мы наделали знатно. Любой мог прийти поглядеть, отчего кухари так разорались.

С бебутом в руке я проверил соседнюю комнату с постелями и подсобку. Пусто. Из жилой комнаты дверь вела во двор; я прислушался возле нее и вернулся на кухню. Вытер бебут о куртку убитого, убрал нож в ножны. Подхватил винтовку и ранец.

Здесь действительно кормили целую ораву. Большой котел у очага был полон похлебки, на полках теснились миски для раздачи. В подсобке за мешками с крупой обнаружились корзины с землей и галькой, промывочный лоток, короткие лопаты и кирка.

Похоже, вот зачем им понадобился собственный ход. Готовили харчи, а при случае выбирали породу из старой выработки. Потому я им все карты спутал. Кухня скрывала их промысел. Где-то они и добычу должны были держать.

В жилой комнате возле постелей стоял большой сундук. Я поставил рядом ранец, положил винтовку рядом, чтобы сразу подхватить при нужде, и поднял крышку.

Под одеждой нашлась жестянка. Внутри лежали маленькие весы и два плотно завязанных мешочка. Первый оказался увесистым для своего размера. Я распустил шнурок, поднес к окну. В горловине блеснул золотой песок, среди него желтели мелкие самородки. Во втором было то же самое.

Намыли, черти, мешочки ощутимо оттянули ладонь.

Весы я закинул в ранец. Затянул шнурки, завернул мешочки в подвернувшуюся холстину и убрал туда же. В сундуке еще лежали узлы да всякое тряпье, но времени все перетряхивать не было. Неизвестно, когда и кто сюда еще заявится.

У противоположной стены стоял отдельный ящик. Я решил бегло оглядеть, что там. Под свернутым тряпьем в нем обнаружились две чугунные гранаты знакомого мне вида и запалы к ним. Такие уже попадались. Откуда работники кухни их раздобыли, спрашивать теперь было не у кого.

Прихватил обе. Завернул порознь и уложил поверх сменного белья, запалы рядом, так, чтобы не пришлось потом выворачивать весь ранец и искать.

На кухне зачерпнул миской воды из кадки, сполоснул руки и лицо. Выхватил из котла кусок мяса и, обжигаясь, жевал на ходу, пока собирался.

Быстро почистил «Ли-Метфорд» и револьвер, проверил и пересчитал оставшиеся патроны. Запас вернул в карман, еще раз нащупал книжку Савина и бумаги за пазухой.

Надел потяжелевший ранец. После перекуса немного сил прибавилось, но ноги гудели по-прежнему.

Из двери во двор выходил боком, сперва оглядевшись. Над распадом светлело небо. Фанза стояла в стороне от остальных строений, за складкой склона. К прииску уходила вытоптанная рабочими тропа.

Белая справа от земли и пыли сделалась почти бурой. Возле дома никого не было, с тропы, натопанной рабочими, никто не шел.

Я перехватил «Ли-Метфорд» и ушел вдоль склона искать своих.

Склон вывел меня к знакомым отвалам. Ниже тянулись склады, за ними теснились крыши Желтуги. Теперь удалось разобрать, откуда мы ночью отходили к выработке.

У дороги стояли задержанные сани. Возница ждал рядом, пока двое вооруженных китайцев ворошили поклажу. От складов к ним перешли еще трое с винтовками. Работников поблизости не было.

Я спустился в ложбину за ближним складом. Дважды пришлось замирать: на углу появлялись люди с винтовками. Последние сажени прополз, придерживая оружие над снегом. У торца залег между стеной и отвалом; ранец стянул и придвинул к боку, чтобы не торчал над укрытием. Отсюда открывалась большая фанза с широкой дверью, всего в пятнадцати саженьях.

Света прибавлялось. Лица уже можно было различить, зато перебежать открытое место незамеченным теперь бы не удалось.

Из низкой постройки напротив вывели троих. Я подался вперед и тут же прижал плечо к стене.

Семен. За ним Илька, последним Кривой.

Руки у всех были стянуты за спиной. Рыжий держал голову прямо, поглядывая по сторонам. Илька на ходу оглядел проулок между складами. Кривой заметно отставал; конвойный взял его за ворот и подтянул к остальным. Их вели шестеро с винтовками.

Живы, черти!

У большой фанзы конвой остановился. Один распахнул дверь. Семена затолкнули первым, Ильку и Кривого втолкнули следом.

Двое остались внутри, остальные заняли места у входа. Туда же подошел китаец, которого я видел ночью с Савиным. Распорядитель заглянул в фанзу и о чем-то переговорил с охраной.

Я следил за дверью. Зачем перевели сюда? Ни работники, ни возницы к дому не подходили.

Спустя минут пять со стороны дороги донеслись скрип полозьев и окрик возницы.

Между складами показались две крытые кошевы. Охрана у задержанных саней расступилась, пропуская их к фанзе.

Распорядитель сразу вышел навстречу. Из первой кошевы выбрался человек в длинном китайском халате поверх теплой одежды. Из второй еще один, тоже в стеганом халате. Распорядитель поклонился обоим и указал на дом. Бумаг у приехавших не спросили и не обыскивали. Возницы даже не слезли с облучков.

Я прижался к стене, чтобы лучше видеть из-за угла. Приезжие шли к двери.

У порога распорядитель отступил в сторону и что-то сказал. Первый гость повернулся к нему, открыв лицо.

Тот самый старший китайский уполномоченный, с которым Матюнин выходил из гостевого дома для переговоров.

Его спутник остановился рядом и оглянулся на охрану. Я даже дыхание придержал.

О, и ты тут, долбаный Чен, мать твою.

Тот офицер, которому объявили выговор и обещали вызвать в Саньсин для служебного разбирательства.

Чен указал на фанзу и громко бросил:

— К пленным еще двоих. Остальным дежурить у дверей. Никого не выводить!

Чен пропустил вперед уполномоченного и вошел за ним в ту же фанзу, где держали моих парней.

Глава 3. Операция Максим

Я натянул лямки ранца и пополз назад вдоль склада. За сараями тянулась сточная канава, по ней можно было подобраться к хозяйственной пристройке фанзы. У поперечного прохода пришлось вжаться в мерзлую землю: мимо прошли двое с винтовками. Переждал, протасил «Ли-Метфорд» под нависшими досками и выбрался за поленницей. Отсюда один проход вел во двор, другой огибал рабочий сарай.

Ставня пристройки неплотно прилегала к косяку. Я приник к щели.

В комнате допрашивали моих парней. Семен сидел боком к окну; его скулу разнесло, под носом запеклась кровь. У Ильки был рассечен подбородок, у Кривого лицо тоже выглядело не лучше. Руки у троих связаны за спиной.

— Сколько вас пришло? Зачем? — спросил Чен по-китайски.

Толмач перевел вопросы.

— На хер пошел, — ответил Рыжий.

Надсмотрщик ударил его бамбуковой палкой по плечу плеч. Семен качнулся, выпрямился обратно.

Чен раскрыл записную книжку, тонкой кисточкой вывел несколько знаков.

— Кто остался снаружи?

Толмач перевел. Ответа не последовало.

Уполномоченный спросил у Чена о заваленной выработке. Тот ответил, что оставшийся русский под землей. Доклада о нем еще нет.

Значит, они меня еще ищут.

Наружную дверь распахнули. Во дворе стояли двое работников. Один нес на плечах деревянную шейную колодку; второй, здоровенный бородач, придерживал его за локоть.

Распорядитель доложил: пойманы при побеге, тот, что в колодке, напал на надсмотрщика.

Чен велел снять колодку и отрубить ему голову.

— Эти пусть смотрят, может, сговорчивее будут.

Караульные повернули моих лицом к двери. Четверо вооруженных были над ними связанными. Я мог выстрелить в Чена, но следом бы перебили, всех троих.

Работника поставили на колени. Бородач шагнул к нему, но охранник упер ему приклад в грудь.

— Митрий! — закричал бородач.

Клинок опустился. Голова Митрия откатилась к порогу. Китаец отступил, оберегая полы от крови.

— Уберите это отсюда подальше, — распорядился Чен.

Бородачу бросили рогожу. Он опустился возле убитого. Один из охранников подтащил ручные санки, другой показал на голову.

Я отступил за поленницу. Обратно в канаву пришлось бы лезть на виду у конвоя. Прижался к стене, поставил винтовку между бревнами и вынул бебут.

Сани выехали из-за угла. Бородач тянул их за веревку; из-под рогожи свисала рука Митрия. Конвойные шли следом.

Передний обогнул сани, заглянул за поленницу и уставился на меня. Добро пожаловать, как говорится!

Я шагнул навстречу, отвел ствол и ударил бебутом в шею. Второй повернулся ко двору, но бородач сгреб его за ворот. Я ударил конвойного под ребра, подхватил выпавшую винтовку.

Бородач швырнул своего противника наземь и трижды ударил его головой о камень, рыча от ярости.

— Митрия, сука... Митрия...

Под его руками уже было кровавое месиво. Я оттащил мужика за плечо.

— Хватит. Убирать надо, пока других не набежало.

Глянул вдоль прохода, потом за угол: у фанзы никто не двигался. Вытер бебут о куртку убитого, убрал в ножны. Мы втащили тела за поленницу. Рядом задвинули сани с Митрием. Обе винтовки и снятые с их хозяев патронные сумки я положил вместе.

— Ты кто? — выдохнул бородач.

— Ангел-спаситель. Стрелять умеешь?

— В этот ад ни один ангел не придет. — Он утер рот рукавом. — Стрелять доводилось. Мне бы топорик, с ним привычнее.

Он показал на колоду у сарая. Я кивнул. Бородач вытянул из нее небольшой топор и сунул за пояс.

— Звать-то как?

— Силантий Фомич Бажин. Плотник я. Нанялся заработать, а тут вона чего...

Я подхватил свой «Ли-Метфорд».

— В фанзе мои, мне вернуться за ними надо.

— Помогу. Я тут каждый проход знаю. И старые выработки, и где припасы держат.

— Тогда вместе. Хочешь выбраться, делай, что скажу.

Силантий посмотрел на рогожу и кивнул.

Он прикрыл трофейные винтовки вместе с патронными сумками доской и повел меня за сарай. Шли пригнувшись, держась ниже окон.

— Вон за теми дверями запертые. Уйти хотели, как мы с Митрием. — Он показал на две низкие постройки под склоном. — А за грядой тропа в лес. По ней бревна возили, там пройти можно.

Я присел у стены. Отсюда были видны дорога между складами и караулка на ее повороте.

— Под ними тоже копали?

— Весь этот бок уже выбрали. Стойки менял, поперечины подводил. Дальше одни старые опорные рамы остались. Только под грядой работ нет, камень там сплошной.

Ночью мы уходили как раз под этот склон. А дальше я своими боками проверил, чего стоили местные подпорки.

Силантий увел меня за штабель: проход заполнили работники с мешками. Мы переждали, пока надсмотрщик пропустит их на склад. Плотник показал мне кладовую со взрывчаткой. У ее двери стоял караульный.

У отдельной пристройки виднелась тренога. Сползший чехол открывал толстый кожух ствола и часть короба. Память Добрецова тут же подсказала, что это чудо похоже на один из первых пулеметов Хайрема Максима. Рядом лежали патронные коробки и какие-то принадлежности. Это ценное оружие охраняли двое.

— Чужеземная штука, дорогая больно, говорят, — шепнул плотник. — Нас к ней близко не пускают.

— Еще бы. С таким добром вас тут быстро пересчитают по головам. Эту дуру неплохо бы прихватить с собой. Но сначала освободить наших надо.

— Под навесом сани видишь? — сказал Силантий. — На них мешки да инструмент возим. Они крепкие.

На них можно погрузить эту дуру и треногу с ящиками.

След от полозьев огибал каменную гряду и уходил к лесу. Кривой пройдет, сани протатчим. Я рассчитывал, что обвал разрушит рабочий склон, склады, караульную и дорогу между ними. Обход оставался в стороне; туда же выведем работников. Сейчас нужно было разжиться динамитом.

Кладовую открыли для выдачи припасов, и внутри оказался еще один вооруженный китаец. Мы переждали, пока работники разберут полученное. Когда проезд окончательно

заслонили сани с жердями, я перебросил винтовку за спину и скользнул к двери. Караульный у входа начал поворачиваться на шорох, но я успел вогнать бебут ему под подбородок снизу вверх. В то же мгновение Силантий, шедший вплотную за мной, метнулся в раскрытую дверь. Второй охранник внутри кладовой только успел потянуться к прислоненной у косяка винтовке, как плотник с размаху обрушил ему обух топора прямо на лоб. Оба упали почти одновременно, не успев издать ни звука. Мы втащили сюда же тело с улицы, прикрыли дверь и задвинули засов. Все прошло тихо, но пустующий пост у кладовой скоро могли заметить.

Мы забрали динамит и взрыватели. За сараем пришлось снова задержаться: в узком проходе работники разгружали тяжелые мешки. Добравшись до старой выработки, я скинул ранец и положил рядом винтовку.

Силантий занял позицию у входа, наблюдая за проходом, а я занялся делом. Осторожно нарезал ножом куски огнепроводного шнура, рассчитывая длину с запасом на безопасный отход. Наскоро обтесав крепкую деревянную щепку и округлив её кончик, я осторожно проделал глубокие гнезда в податливых динамитных шашках.

Железом туда лезть было нельзя из-за риска высечь искру о случайную песчинку. Концы отрезанных шнуров я аккуратно вставил до упора в медные гильзы капсюлей-детонаторов и бережно обжал края металла. Получившиеся зажигательные трубки я осторожно утопил в подготовленные отверстия шашек, плотно зафиксировав их.

Силантий помог перенести готовые заряды глубже в выработку, распределить их по опорным точкам и убрать пустой ящик с дороги, чтобы не мозолил глаза. Все было готово к подрыву; поджечь шнуры мне предстояло уже на самом отходе, когда люди покинут опасную зону.

Подхватив снаряжение, я оглядел дорогу — проезд освободился. Теперь трофейный пулемет можно было забрать и увезти за грядой до того, как произойдет обвал.

— Как ударю по фанзе, вскрывай обе двери, — приказал я Силантию. — Проверь, чтобы внутри никого не осталось. Работников веди за грядой. Потом вернешься к навесу, поможешь с погрузкой.

Он молча поправил топор за поясом и кивнул. Я короткими перебежками добрался через сарай к хозяйственной пристройке.

У стены пристройки я пригнулся под окном и добрался до ставни. Через щель мелькнул толмач. Он прошел в соседнюю комнату, откуда отозвался уполномоченный. Чен остался за столом. Четверо караульных держались возле пленных: двое у лавки, один возле двери, последний стоял за Рыжим с бамбуковой палкой. Винтовка висела у него на плече. Оружие парней сложили на сундук у стены.

За углом у входа стояли еще двое. Оба смотрели во двор, винтовки висели на ремнях. Ближний загораживал второму подход вдоль стены.

Я перебросил «Ли-Метфорд» за спину, выхватил бебут и шагнул из-за угла. Ближнего ударил в шею, перехватив в сонную артерию, оттолкнул к стене и всадил клинок под ребра второму. Выдернул, перехватил кинжал в левую, правой выхватил из кобуры «Смит-Вессон» и с ноги вышиб дверь.

В караульного у косяка выстрелил, еще не перешагнув порог фанзы. Тот опрокинулся на стену. Второй поворачивал винтовку над плечом Ильки; я достал его следующим выстрелом. Побратим свалился вместе с табуретом, уходя с линии огня. Третьему выстрелил в грудь и шагнул в комнату.

Последний бросил палку, сорвал винтовку с плеча. Семен вскочил со связанными за спиной руками, ударил его ногой под колено. Караульный рухнул возле сундука, а Рыжий навалился сверху, прижав коленом руку с оружием.

Чен отступил за стол. В его руке блеснул револьвер.

Я развернулся к нему, и офицер вскинул голову. Глаза расширились. Узнал, паскуда. Только на знакомство времени больше не оставалось.

Ствол «Смит-Вессона» уже смотрел ему в лицо, и я нажал на спуск. Чена отбросило к стене; он задел плечом полку и рухнул, увлекая за собой кипу бумаг. Револьвер стукнулся об ножку стола. Я отодвинул его сапогом и перевел оружие на внутреннюю дверь.

Наконец добрался до Семена, разрезал веревку у него на запястьях. Убрал клинок. Рыжий тут же выдернул свой кинжал из кучи вещей на сундуке и добил прижатого караульного. Поднялся, освободил Ильку, затем Кривого. Побратим подхватил Кропачек, хромым потянулся к своему ружью.

В соседнем помещении стукнула дверь. За ней открылся передний двор, и через два проема я заметил уполномоченного. Подобрал полы, он влезал в кошеву. Возница хлестнул лошадь, писарь вскочил сзади. Я сдвинулся, но между мной и дверью прошел Кривой с ружьем. Когда он добрался до стены, кошева уже скрылась за оградой.

Я подал Ильке его патронную сумку и показал на выход. Побратим проверил Кропачек, пополнил магазин и занял место у косяка, возле которого лежал караульный.

Семен наклонился за своим поясом и скривился: по плечам ему досталось знатно. Я подал ему «Винчестер» прикладом вперед.

— Руку поднимешь?

Он вскинул оружие, проверил, как ложится к плечу.

— Подниму. На этих ублюдков хватит.

Семён затянул патронташ поверх белой sprawy, если ее еще можно было считать белой.

Возле локтя Чена лежала раскрытая записная книжка. Я подобрал ее вместе с разбросанными бумагами. И сунул все это за пазуху.

Кривой поднял револьвер офицера и повернул к свету. На верхней планке над длинным стволом я разобрал: «WG MODEL 1889».

— Английский «Уэбли», модель прошлого года, — сказал я.

Кривой отжал защелку и опустил ствол вместе с барабаном. Общий выбрасыватель приподнял патроны; он придержал их ладонью.

— Все шесть на месте.

— Самовзвод у него есть. Курок перед каждым выстрелом тянуть не надо. А взведешь рукой, спуск легче будет.

— Откуда так хорошо знаешь про него?

— Доводилось в Африке встречать.

Он закрыл револьвер, расстегнул подсумок на поясе Чена, и стал набирать патроны.

— Двадцать четыре в запас. Плюс эти шесть.

— Вместе с кобурой забирай.

Свой «бульдог» он уже взял с сундука вместе с патронами. Трофейное ружье придерживал коленом, пока прилаживал чужую кобуру с «Уэбли» на пояс.

Семен проверил «Винчестер». Пальцы после веревок слушались хуже обычного; Рыжий сжал и разжал ладонь, и дослал патрон. Со стороны запертых построек донеслись удары топора, следом многоголосый гомон.

Я пополнил свой барабан, убрал револьвер и снял с плеча «Ли-Метфорд».

— Савин умер под завалом. Сказать успел многое, книжка при мне. Выход подготовлен, — сообщил я, отесняя плечом дверь. — У склада пулемет. Возьмем его и уйдем за гряды. Нам плотник помогает, бородатый такой, с топором. Работников выводит, у навеса с ним сойдемся.

— Веди, — сказал Рыжий.

Я вышел первым и повернул вдоль стены. За мной в проход выбрались остальные.

Хлопнул выстрел, из косяка над моей головой выбило щепу. Я шагнул за угол, выставил винтовку и ответил прям по тонким доскам, за которыми мелькнул стрелок, кажись достал.

Хозяйственный двор уже занимали шестеро. Двое залегли за перевернутыми козлами и сброшенными жердями, еще двое держались у соседнего сарая. Последние отступали за дощатую перегородку в глубине двора. Отсюда к складу вел узкий проезд, прикрытый постройками со стороны пулемета.

Я вынул первую гранату, снарядил, поджег фитиль и перебросил через жерди, сразу укryвшись за углом; товарищи уже прижались к бревнам. Бахнуло хорошо. Земля и щепки начали валиться с неба тут и там.

Выстрелы от туда прекратились. Один охранник лежал прям на втором, винтовка торчала из-под досок.

Илька вышел из-за моего плеча. Кропачек хлопнул, и стрелок у сарая, успевший подняться на колено, ткнулся лицом в землю. Побратим передернул затвор и шагнул дальше, держа ствол у плеча.

Я перескочил проход, взял под прицел дальний угол. Кривой протиснулся между стеной и накренившимися жердями, придержал ружье левой, а правой оттолкнул доску.

Из сарая выдвинулся ствол. Я дернулся за угол; раздался выстрел, пронесло. Следующим выстрелил Илька. Винтовка клюнула вниз, ударилась, а за ней завалился и стрелок.

Побратим пересек двор, встал у проезда и показал мне два пальца. Оба оставшихся засели за перегородкой.

У торца склада, со стороны навеса, показался Силантий. Пригнулся за штабелем, поднял топор, обозначая себя.

— Обе пустые. Всех за гряды вывел, последнего сам довел.

— Там и держись, Фомич. В проезд не выходи, там двое за досками.

Он остался возле торца сарая, прикрытый штабелем. Благо Бирюков успел отшагнуть под стену, а пуля стукнула в пустое ведро позади.

Я присел рядом. Перегородка прикрывала закуток с обрезками. До пулеметной пристройки отсюда оставался еще склад, его глухая стена отсекала двор.

— За угол, — сказал я Рыжему и швырнул вторую гранату за доски.

Он отступил ко мне. В закутке закричали; один китаец выскочил в проезд с винтовкой наперевес. Семен встретил его выстрелом из «Винчестера». Того развернуло, он повалился под стену. Рыжий уже двигал рычаг, когда за перегородкой рвануло. Доски качнулись, в проход полетели обломки.

Второй успел выскочить с другой стороны. Побежал вдоль сарая с винтовкой в руках. Силантий подался к углу, и перехватил топор.

— Этот.

Я узнал палача. Все та же короткая куртка, темные брызги на рукаве. У торца он развернулся и вскинул ружье на меня.

Силантий стоял у того же угла, с другой стороны. Плотник шагнул к нему и топор снес ствол в сторону, второй удар пришелся в шею, над воротом. Китаец выронил ружье и упал возле штабеля.

Силантий высвободил топор. Подобрал ружье палача, снял с убитого патронную сумку, накиннул ее через плечо, винтовку убрал за спину. Обернулся к нам.

— Сюда. Кладовая насквозь, дальше дверь.

Кривой занял угол, откуда только что стрелял палач. Ружье упиралось в плечо, большую ногу он выставил чуть вперед. Пока Силантий показывал ход, хромой держал под прицелом просвет между постройками. Потом сам отступил за нами, продолжая следить за проходом.

Шестерых мы оставили во дворе. Из-за сарая никто больше не палил, но со стороны большой дороги уже кричали и звали охрану к складам.

У двери кладовой я придержал Силантия, заглянул из-за косяка. Между мешками тянулся проход к двери. Пусто. Пропустил плотника вперед: нужный поворот он знал лучше.

Рыжий остался у наружной двери. Ильяка прошел к боковому оконцу. Я добрался до внутренней перегородки, убрал винтовку за спину и достал револьвер

За приоткрытой дверью слышалось, как сдвигают ящик. Двое знакомых мне охранников и еще один, которого снаружи не было видно. Пулемет стоял в широком проеме, стволом к дороге. Один китаец стаскивал с него чехол, второй держал винтовку, третий возился у патронных коробок.

Я толкнул дверь и выстрелил. Противник ударился о край проема, сполз наружу. Китаец у коробок потянулся за пояс. Кривой выстрелил раньше, чем тот достал револьвер. Чужое оружие дернулось в руке хромого; противник опрокинулся на ящики.

Последний бросил чехол и схватил стоявшую у стены винтовку. Между нами стояла тренога. Силантий уже обходил пулемет сбоку, но добежать не успевал. Я увидел, как он метнул топор китаюцу в голову. Раздался хруст, будто плотник вогнал его в деревянную колоду. Китаец с открытыми глазами упал возле пулемета. Плотник оттащил его за ворот, освобождая место.

Я взялся за рукояти «Максима». Тренога стояла крепко, у ног лежали три коробки со снаряженными лентами и сумка с принадлежностями.

Раннюю машину я прежде в руках не держал. Добрецову был знаком более поздний «Максим», но и с этим память помогла разобраться. Я проверил оружие, отвел в сторону обрывок чехла. Одна лента уже была заведена в пулемет. Силантий заглянул через наружный проем под навес.

— Сани на месте. Сейчас подтащу.

По дороге приближался топот, поверх разрозненных криков раздалась команда. Рыжий поднял ладонь от наружной двери и указал в ту же сторону.

— Погоди с санями. Сначала этих встретим.

— К пулемету! Дорогу держать! — крикнули по-китайски.

Старший выбежал из-за склада, за ним показались еще восемь вооруженных. Силантий узнал тех, что держались позади.

— Хунхузы. Эти у дальних шурфов караулили.

Они шли к своей охране. Старший махнул в нашу сторону, требуя поторопиться. В утреннем сумраке под крышей он еще не разобрал, кто стоял у рукоятей пулемета. Я заправил ленту. За нападавшими виднелся пустой отвал. Работники уже были за каменной грядой, в стороне от этой дороги.

Ильяка взял на прицел ее край. Семен держал вход из хозяйственного двора, Кривой смотрел за угол склада.

Первую очередь я дал по старшему и еще двум рядом с ним. Пулемет затрясся под ладонями, грохот забил уши. Старшего опрокинуло навзничь, бежавшие рядом повалились один на другого. Я отпустил спуск.

Остальные шарахнулись в стороны. Двое залегли у брошенных на дороге корзин с породой и выстрелили почти вместе. Из края проема вылетел комок глины. Я повернул ствол, и вторая очередь прошла по их укрытию. Прутья расползлись, за ними дернулась рука с винтовкой и легла на землю.

Еще двое побежали к стене, надеясь уйти из-под огня за угол. Я вел ствол вслед. Ближний рухнул сразу, второй успел сделать несколько шагов, ударился плечом о стену и сполз. Его винтовка осталась стоять, зажата между телом и досками.

— Слева, у колоды, — сказал Ильяка.

Последние двое присели возле места, где раскатывали бревна. Один упирал ружье в край колоды, другой приподнялся, пытаясь разглядеть нас. Я нажал на спуск. С дерева полетела кора, оба скрылись за ним. Еще коротко ударил, когда один потянул винтовку вправо, собираясь обойти укрытие.

Кривой проверил проход за углом склада и махнул мне: пусто. Семен не отходил от своей двери, Илья — от окна.

Девятеро лежали между складом и колодой. Выждал, следя за оружием в чужих руках, потом занялся пулеметом.

Лента ушла далеко не вся. И еще две имеются в запасе. Закрыв крышку, рядом положил сумку с инструментом и принадлежностями.

— Тайга, дорогу смотри. Кривой, двор. Фомич, теперь за санями.

Силантий вытащил из-под навеса грузовые сани, подвел их к пулемету и упер носом в порог.

Мы с Семеном взялись с одной стороны, Силантий — с другой. Приподняли оружие вместе с треногой и перенесли на настил.

Коробки уложили рядом, туда же сумку с принадлежностями. Силантий стянул все веревкой, пропустил ее под настилом и завязал на узел.

Пока мы возились, Илья следил за дорогой, а Кривой держал двор.

Силантий убрал топор, взялся за лямку и подался вперед. Сани уперлись полозом в выбоину у порога. Я толкнул сзади, Сема приподнял край. Груз сдвинулся. Плотник вытянул его на утоптаный след, расправил ремень на плечах.

Илья пошел следом. Рыжий шел, оглядывая боковые сараи, Кривой прикрывал отход. Я задержался у поворота и оглядел опустевший двор. Двери обеих построек были открытыми, возле первой валялась доска с выдранный скобой. Кажись чисто.

Сани скрылись за каменным выступом. Я добрался до зарядов и сделал то, что собирался. Теперь ходу!

Бежал, придерживая винтовку у груди. За поворотом меня ждал Сёма.

Глухой удар потрянул землю под ногами. Я обернулся из-за гряды, глядя как оседает склон. Над ним поднялась пыль, крыша ближнего сарая накренилась и исчезла. Следом провалился край складского двора. Стены сложились внутрь, кое-где торчали бревна. Караулку повернуло боком и прижало к насыпи. Дорогу между постройками засыпало камнями и мерзлой землей.

До нас этот обвал не дошел. Каменная гряда отделяла его от разрушенного участка. Освобожденные рабочие, остановившиеся впереди, двинулись дальше, когда Силантий махнул им рукой.

— По старым рамам и обвалилось, — сказал он и, поправив лямку, потянул сани.

На дороге стояли рабочие, глядя на новый вид Желтуги. Некоторые уже разбежались прочь отсюда. Жалеть о разоренном прииске никто не собирался. После увиденного, не удивлюсь, если Митрий далеко не первый, кто лишился головы. Людей держали в страхе.

За грядой полозья пошли тяжелее, снег был не везде. На крутом подъеме я взялся за задний край, не давая грузу сползти, Семен помог с другой стороны. И мы втроем дотащили их до ровного места.

Когда перевалили складку склона, Илья шедший впереди остановился.

— Дальше в сторону леса идти надо.

Мы потянули груз вдоль ложбины, пока никто нас не преследовал, и я уже было начал надеяться, что все сложилось.

Но когда сани вытащили на следующий перегиб, со стороны Желтуги послышался выстрел. Я пригнулся.

— Всем на землю!

На верхней дороге показались вооруженные люди. Они спускались с внешнего обхода прииска, пересекали склон выше завала. Один вскинул винтовку. Я ответил и отступил за деревья вслед за санями.

Этого я и ждал: с такой поклажей по целине не уйдешь.

— В лес надо, — еще раз махнул мне Илька.

Я добрался до него ползком, укрываясь между кустами.

Впереди лежала дорога. По ней двигались два всадника, а за ними показались следующие. За поворотом тянулись еще люди, все были в одинаковых крутках. Это были Цинские солдаты.

Сзади опять прозвучал выстрел. Передовые придержали коней и свернули в нашу сторону.

Вот тебе бабушка и Юрьев день! Нашу пятерку похоже зажали между погоней из охраны прииска и регулярными частями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.